На правах рукописи

**Зудов Юрий Валерьевич**

# Правовое регулирование отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре истории государства и права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

**Научный консультант** — **Петюкова Оксана Николаевна**
доктор юридических наук, доцент

**Официальные оппоненты** — **Пашенцев Дмитрий Алексеевич**
доктор юридических наук, профессор, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства

**Михайлова Наталья Владимировна**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», профессор кафедры истории государства и права

**Сафонов Александр Александрович**
доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», заместитель руководителя департамента теории права и сравнительного правоведения

**Ведущая организация** — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «27» января 2027 года в 13:00 на заседании диссертационного совета 24.2.336.04, созданного на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 7, стр. 22, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» http://msal.ru.

Автореферат разослан «_____»_____2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор юридических наук, профессор А.В. Корнев

## Общая характеристика работы

**Актуальность темы исследования**.

В фокусе исследования – формирование и функционирование модели правового регулирования государственно-религиозных отношений[1] в СССР в 1940-х – 1980-х гг. и анализ особенностей правоприменительной практики с учетом закономерностей эволюции советской социально-правовой действительности. Избранная тематика актуальна по ряду оснований академического и общественно-политического характера.

С *академической точки зрения* важность ее изучения продиктована следующим.

Современное российское правовое регулирование общественных отношений в сфере осуществления свободы совести, деятельности религиозных объединений и взаимодействия государства с религиозными организациями во многом формировалось под влиянием исторического опыта, и прежде всего – советского политико-правового наследия. Несмотря на глубокую трансформацию государства после 1991 г., многие институциональные практики, концептуальные подходы и административные механизмы, возникшие в СССР, продолжают оказывать влияние на нормативное регулирование и правоприменение.

В отечественной историографии сформировалось устойчивое представление о наследовании организационной структуры, подходов к осуществлению кадровой политики советского и постсоветского периодов в области государственно-религиозных отношений. «Современный социально-политический облик Русской православной церкви (далее – РПЦ) сформирован советской и постсоветской эпохами», а церковь как социальный институт является «осколком почти полностью разрушенной советской государственной машины», – замечает А. Солдатов[2]. Нынешняя «система управления религиозно-исторической традицией и культурным наследием церкви сложилась в советский период, претерпев существенные изменения, но оставшись в русле тысячелетней церковной традиции, выработанной РПЦ с опорой на канонические

---

[1] [1] В отечественной науке также используются термины «отношения государства и религиозных объединений» и «государственно-конфессиональные отношения». В нашем исследовании эти термины синонимичны понятию «государственно-религиозные отношения» (раскрывается в разделе о терминологии). В более узком контексте, когда речь идет о Русской православной церкви, использован термин «государственно-церковные отношения».

[2] *Солдатов А.* Священный «капитал» и его «олигархи» // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 39–45.

принципы церковного управления», – пишет О.В. Вольтер[3]. Избранная тематика позволяет продолжить научную дискуссию о «наследии прошлого» в современной политике и идеологии не только России, но и стран постсоветского пространства[4].

Таким образом, существует необходимость объективной оценки степени и значимости преемственности советских правовых (в том числе организационно-правовых) и квазиправовых[5] управленческих подходов к постсекулярным процессам в обществе в целом и к религиозным организациям в частности.

Немаловажно и то, что ретроспективный анализ советской модели взаимодействия государства и религиозных объединений (прежде всего – Русской православной церкви как крупнейшей религиозной организации, существовавшей в советскую эпоху) позволяет выявить устойчивые, повторяющиеся правовые основания, механизмы системы государственного регулирования общественных отношений в сфере свободы совести. Поиск адекватных эпистемологических подходов к анализу государственно-религиозных отношений в советскую эпоху создает основу для ответа на вопрос об исторической преемственности[6] или ее отсутствии, а также для определения места советских управленческих подходов в генезисе отечественной модели правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Избранная тема открывает широкие возможности и для пересмотра устоявшихся в историографии тезисов о механизме советского правового регулирования религиозной сферы.

В XX в. в западной советологии существовало представление о том, что советское право было несубъектным, так как целиком и полностью поглощалось политической

---

[3] *Вольтер О.В.* Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 11. С. 211–218.

[4] См., например, публикации сборника: Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М. : НЛО, 2023.

[5] Под «квазиправовыми» управленческими подходами в контексте данного исследования понимается властная практика подмены формальных источников права (законов и иных нормативных правовых актов) закрытыми ведомственными циркулярами, партийными директивами и административным усмотрением должностных лиц. Различаясь по юридической природе и не образуя единой системы формально опубликованных нормативных предписаний, они фактически выполняли функцию правового регулирования, устанавливая общеобязательные для религиозных объединений правила поведения.

[6] В неоинституциональной теории подобная зависимость от предшествующего исторического пути развития институтов именуется «эффектом колеи», «колеей зависимости» (path dependence).

системой и коммунистической идеологией. Сходными характеристиками часто описывается взаимодействие государственных и религиозных институтов: одни поглощали или просто уничтожали другие, РПЦ не являлась полноценным субъектом права и пр. Эта позиция перекликается с оценками советских правоведов и историков, которые не рассматривали церковь и ее внутренние установления как полноценную (и потенциально конкурентную) правовую систему. В итоге сохраняющееся у ряда современных исследователей представление об РПЦ советской эпохи только как об объекте внешнего влияния, не имевшем правовой агентности, является прямым продолжением советского атеистического и западного советологического дискурса. Однако наше исследование показывает, что подобные утверждения могут быть оспорены.

Изучаемая тема также проливает свет на природу легитимации различных политических режимов правовыми инструментами. В послевоенный период Советское государство, формально закрепляя конституционные гарантии свободы совести, параллельно создавало разветвленную систему административного регулирования и контроля, осуществляемого через Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров (Совете Министров) СССР (далее – Совет) и Совет по делам религиозных культов (в 1965 г. объединенные в Совет по делам религий при Совете Министров СССР). Указанная дихотомия нормативного декларирования и реального административного регулирования имеет принципиальное значение для историко-правовой науки, а также политологических, антропологических исследований. Она наглядно демонстрирует механизм инструментализации права в политико-идеологических целях, при котором формируется специфический правовой режим, характеризующийся нивелированием публичного закона и размыванием границ между правовой нормой и ведомственным усмотрением.

Наконец, академический интерес также вызывает социокультурный аспект темы. Результаты исследования могут способствовать более взвешенному анализу специфики советской секулярной модели и динамики развития советского общества в целом. Как убедительно показали Джули Макбрайен и Виктория Смолкин, в советский период, в особенности после Великой Отечественной войны, религия в СССР была

сконструирована в диалоге религиозных организаций и государства[7]. Исследование помогает изучить этот процесс с правовой точки зрения. Кроме того, в историографии и публичном поле нередко звучат утверждения, что современной десекуляризации в России мешают сильно укоренившиеся в общественном сознании светские нормы – во многом унаследованный из советского прошлого каркас правовой системы и сугубо светские нормы поведения, а также секулярные культурные образцы[8]. Диссертация, кроме прочего, показывает различные стороны процесса формирования специфической советской идентичности, советского правосознания той части граждан, которые считали себя верующими.

С *общественно-политической* точки зрения понимание текущих глобальных и локальных трендов развития религиозных организаций в системе социально-правовых взаимодействий «общество – государство – межгосударственные отношения» объективно невозможно без понимания предыстории государственно-религиозных отношений.

В российском обществе и научных кругах сегодня продолжается поиск разумного баланса между светскостью государства и обеспечением прав верующих на свободу совести и вероисповедания. В центре таких дискуссий – теоретическое обоснование наиболее адекватных и эффективных правовых форм взаимодействия государства, общества и религиозных объединений. Это – сугубо практическая проблема, связанная с обеспечением общественно-политической стабильности. В частности, споры вокруг земельно-имущественных отношений церкви, по вопросу преумножения символического капитала религиозных организаций и переопределения их места в современной системе внутри- и внешнеполитических координат заставляют думать о необходимости постоянного совершенствования организационно-правовых подходов в этой сфере.

Ретроспективный анализ советской модели позволяет выявить различные аналитические, практические подходы к определению допустимых границ вмешательства государства в религиозную сферу, дает важный материал для

---

[7] *Макбрайен Д*. От секуляризма к исламу. Религия в современном Кыргызстане / пер. с англ. М. Минеевой. СПб. : Библиороссика, 2023 ; *Смолкин В*. «Свято место пусто не бывает» : история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. М. : НЛО, 2021.

[8] *Agadjanian* A. From Urban Landscape to National Culture : Russia's Conspicuous Religious Simulacra and Enduring, if Fragile, Secularity // Social Compass. 2021. URL: https://doi.org/10.1177/0037768620985750 (дата обращения: 06.02.2026).

совершенствования современного законодательства о свободе совести и оптимизации правоприменения.

**Научная проблема**, на решение которой направлено исследование, – формирование особой модели правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. и анализ специфики правоприменительной практики с учетом закономерностей эволюции советской социально-правовой действительности.

Русская православная церковь рассматривается в исследовании как сложный институциональный субъект, внутри которого и в деятельности которого складывался особый нормативный порядок, основанный на церковно-канонической традиции, официальных церковных установлениях и коллективных представлениях ее членов. Представляется, что РПЦ необходимо рассматривать как полноценный субъект системы правового регулирования, так как принимаемые государством различные нормативные правовые акты, устанавливающие правовой статус церкви и особенности государственно-религиозных отношений, накладываясь на представления верующих о должном, далеко не всегда воспринимались последними как справедливые, а следовательно, могли напрямую или косвенно подвергаться сомнению (и даже опротестовываться).

Отношения Советского государства и Русской православной церкви, складывавшиеся в условиях асимметричного взаимодействия советского государственного правопорядка и внутрицерковного нормативного порядка и формировавшие особую нормативно-правовую среду, нуждаются в самостоятельном научном осмыслении.

**Объектом исследования** являются отношения Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг., урегулированные нормами советского законодательства и различными нормами неправового характера.

**Предмет исследования** – закрепленные в нормативных правовых актах и секретных приказах, инструкциях и указаниях формальные нормы и механизмы регулирования государственно-религиозных отношений, а также неформальные (неписаные) правила и практики, понимаемые как устойчиво повторяющиеся формы взаимодействия государства и Русской православной церкви, правила поведения, известные участникам этих общественных отношений и насаждающиеся вне

официально санкционированных способов передачи информации (на примере нескольких сфер, наиболее значимых для выявления особенностей правового регулирования государственно-церковного взаимодействия в 1940-х – 1980-х гг.: регистрации религиозных общин, открытия (закрытия) храмов, особенностей кадровой политики РПЦ и профессиональной подготовки священнослужителей).

Выбор указанных сфер в качестве репрезентативной базы исследования обусловлен тем, что именно в них определялись пределы правоспособности и сама возможность легального существования церковных институтов, а также концентрировались наиболее конфликтогенные зоны государственно-религиозного взаимодействия. Вопросы регистрации общин и статуса храмов определяли внешние институционально-имущественные рамки существования РПЦ, а вмешательство в кадровую политику и духовное образование выступало главным инструментом контроля государства над ее внутренней организацией и деятельностью. Именно в этих направлениях разрыв между формальными законодательными декларациями и массивом закрытых ведомственных актов и неписаных практик проявлялся наиболее отчетливо[9].

**Цель исследования** – определить содержание и характеристики институциональной модели правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в СССР в 1940-х – 1980-х гг. на основе анализа норм советского законодательства о культах и правоприменительной практики с учетом закономерностей эволюции советской социально-правовой действительности и специфики институционального развития субъектов этих правоотношений.

Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

1) выявить характерные особенности источников правового регулирования государственно-религиозных отношений в период 1940-х – 1980-х гг., а также эвристический потенциал различных типов исторических источников неправового характера;

---

[9] Вопросы использования церкви как инструмента внешней политики государства (участие в экуменическом движении и борьбе за мир и т.д.), а также ее взаимодействия с русскими православными общинами за пределами СССР (РПЦЗ и др.) выходят за рамки нашего исследования, хотя в некоторых случаях могут быть использованы для характеристики тех или иных аспектов правоприменительной практики.
В диссертации также не рассматриваются вопросы материального положения церкви, советской экономической политики в отношении религиозных организаций ввиду ограниченности источниковой базы (закрытости документов РПЦ по указанному вопросу).

2) определить на основе изучения актуальных научных исследований правового регулирования отношений государства и религиозных объединений в России недостаточно исследованные аспекты указанных правоотношений, требующие дополнительного историко-правового анализа;

3) критически осмыслить имеющиеся методологические подходы к изучению правового регулирования государственно-религиозных отношений и определить, в какой степени они позволяют выявить историко-правовые особенности советской регуляторной системы;

4) обосновать необходимость применения нового методологического подхода (историко-правового неоинституционализма) и раскрыть его основные положения;

5) показать динамику развития советского законодательства, определившего нормативно-правовые основания взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви в период 1940-х – 1980-х гг.;

6) выявить особенности формирования организационно-правовой рамки государственной системы регулирования данной сферы в 1940-х – 1980-х гг.;

7) определить содержание внутренних формальных правил (ограничений), свойственных Русской православной церкви как субъекту государственно-религиозных правоотношений, отраженных в церковных канонах, вероучительных и церковно-административных документах, касающихся отношения к государству и обществу;

8) охарактеризовать специфику внутреннего устройства Русской православной церкви как сложного институционального субъекта, включающего различные иерархические и организационные уровни;

9) обобщить практику применения советского законодательства о культах в 1940-х – 1980-х гг. в отношении регистрации церковных общин, предоставления им молитвенных помещений, осуществления церковной кадровой политики и подготовки духовенства;

10) проанализировать ключевые характеристики институциональной модели правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви.

**Научная гипотеза** состоит в том, что для государственно-церковных отношений в СССР 1940-х – 1980-х гг. была характерна особая модель правового регулирования, возникшая в результате взаимодействия советской политико-правовой системы и

внутрицерковного нормативного порядка. Данной модели были присущи, с одной стороны, универсальные для всей советской правовой системы характеристики (разрыв между декларируемыми и реально действовавшими правовыми нормами, рамочность и прерогативность регулирования, значительная роль неформальных правил и практик и пр.), с другой – специфические черты (взаимодействие советского государственного правопорядка и внутрицерковного нормативного порядка РПЦ при безусловном приоритете государственного права). Подобная архитектура советской правовой модели определяла особенности правоприменительной деятельности государственных акторов и заметно влияла на специфику правосознания и правовых стратегий, использовавшихся верующими и РПЦ как институтом.

Отдельно необходимо оговорить используемый в работе **терминологический аппарат**. В нашем исследовании правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. мы в некоторых случаях будем выходить за пределы устоявшейся в историко-правовой науке терминологии (там, где это имеет эвристическое значение).

За методологическую основу исследования будет взят ряд положений правового институционализма и других институциональных теорий, которые также используют достижения смежных наук и нередко вводят в юридический контекст соответствующие термины. На основе синтеза этих теоретических наработок будет представлен авторский подход к изучению государственно-религиозных отношений, учитывающий их специфику. Для соблюдения логического закона тождества и во избежание различных трактовок базовых теоретических понятий в ходе дальнейшего изложения мы считаем необходимым зафиксировать их содержание применительно к специфике решаемой научной проблемы, объекту, предмету, цели и задачам настоящего исследования.

При анализе государственно-религиозных отношений используются следующие понятия:

– *предмет правового регулирования* государственно-религиозных отношений – совокупность общественных отношений, складывавшихся в СССР в 1940-х –1980-х гг., связанных с осуществлением свободы совести и вероисповедания; правовым статусом религиозных объединений и их органов; распределением полномочий партийных и советских органов власти и религиозных организаций; владением, пользованием и

распоряжением имуществом религиозного назначения и иными материальными благами, связанными с религиозной сферой;

– *объект правового регулирования* государственно-религиозных отношений – поведение участников указанных отношений, подлежащее упорядочению посредством юридических норм, а также обусловленные этим поведением юридически значимые последствия, выражающиеся в возникновении, изменении, прекращении правового статуса, субъективных прав и юридических обязанностей, в конкретные исторические периоды развития советской религиозной политики;

– *субъекты правового регулирования* государственно-религиозных отношений в рассматриваемый исторический период – Советское государство в лице союзных, республиканских и местных органов власти, партийных органов, специализированных органов по делам религий, а также Русская православная церковь как институт, обладающий правоспособностью в установленных законодательством пределах, а также внутренней структурой, определяемой нормами церковного права;

– *формальные правила* – советские конституции, законы и другие нормативные правовые акты, решения, указания и инструкции партийных и советских органов, которые являются основой регламентации государственно-религиозных отношений, а также церковные тексты и документы (Священное Писание, правила вселенских и поместных церковных соборов, церковных канонистов и др.), являющиеся авторитетными источниками внутрицерковных установлений, выраженные в письменной форме и доводимые до адресатов через официальные каналы взаимодействия;

– *формальные практики* – способы реализации участниками правоотношений установленных формальных правил через официальные каналы и санкции за их неисполнение: правоприменительная деятельность органов государственной власти (в том числе выраженная в соответствующих актах), а также каноническая и церковно-административная деятельность органов церковного управления;

– *неформальные правила* – принятые в обществе или отдельной социальной группе, обычно неписаные, правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов, но хорошо известные субъектам социальных взаимодействий (в том числе, например, коллективные представления социальной группы о действующих «правилах игры»);

– *неформальные практики* – способы поведения заинтересованных субъектов государственно-религиозного взаимодействия, направленные на реализацию неформальных правил и (или) обход установленных ограничений в целях расширения пространства дозволенного;

– *институт* в настоящей работе понимается в двух взаимосвязанных значениях. Во-первых, как совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих общественные отношения в соответствующей сфере, которые возникают через некоторую легитимную с точки зрения социальной группы процедуру, управляют и сдерживают поведение индивидов (соответствует понятиям «институт-установление» Нила Маккормика, «правила игры» Дугласа Норта). Во-вторых, как организация, совокупность государственных и (или) общественных органов, объединенных: а) руководящей идеей и (или) общей целью; б) установлениями, процедурами и практиками, обеспечивающими реализацию этих норм и баланс интересов; в) наличием централизованной и суверенной власти, полномочия которой упорядочены статутом. В нашем случае речь идет о государстве как иерархически выстроенной «организации организаций» (совокупности различных партийных и советских органов) и институте Русской православной церкви, который также может быть понят как «организация организаций»;

– *государственно-религиозные отношения* – социально-правовой порядок взаимодействия государственных и религиозных институтов, опирающийся на набор используемых и (или) декларируемых формальных и неформальных правил, а также на коллективные представления самих институтов и составляющих их индивидов о себе и окружающем мире;

– *правовое регулирование государственно-религиозных отношений* – это осуществляемое государством упорядоченное воздействие на взаимоотношения государственных и религиозных институтов с помощью специальных юридических средств (норм, актов, правоотношений), направленное на стабилизацию поведения индивидов, удовлетворение общих и частных интересов, а также обеспечение законности (формально-юридический уровень регулирования). Одновременно оно включает в себя фактический порядок регулирования – сложившуюся практику интерпретации и реализации формальных норм, а также неформальные правила и практики, коллективные представления участников взаимодействия о нормах поведения

акторов (институтов и их представителей), которые определяют реальное функционирование правового режима.

Данное понятие рассматривается нами не в узкопозитивистском смысле: правовые акты разного уровня мы понимаем как нормативный компонент более широкой системы регулирования, включающей сложившиеся практики и ценностные установки участников отношений, которые влияют на реализацию юридических предписаний de jure и de facto. Уровень правосознания и ценностные ориентиры участников также задают границы допустимого вмешательства государства в религиозную сферу и имеют значение при выборе моделей поведения в условиях действия одних и тех же норм. Поэтому в рамках исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений принципиально важно анализировать всю регуляторную систему в целом, не сводя ее лишь к изучению нормативно-правовой и правоприменительной составляющих. Это позволяет выявить устойчивые практики, не всегда прямо выраженные в текстах правовых норм, но оказывающие непосредственное влияние на правоотношения;

– *механизм правового регулирования государственно-религиозных отношений* – система взаимосвязанных юридических средств и процедур (норм, юридических фактов, правоотношений, актов реализации и применения права), а также примыкающих к ним стимулирующих, ограничительных и информационных средств, с помощью которых государство осуществляет упорядоченное воздействие на государственно-религиозные отношения[10]. В рамках нашего подхода мы рассматриваем этот механизм как сложную институциональную систему, ядром которой выступает классическая совокупность формальных юридических средств, однако их фактическое действие, направленность и результативность обеспечиваются и корректируются через организационные структуры взаимодействующих сторон, неформальные правила и когнитивные установки акторов, образующие с формальным правом единый регуляторный комплекс.

**Хронологические рамки.** Исследование охватывает период 1940-х – 1980-х гг. Нижняя граница обусловлена установившейся в историко-правовой и исторической науках периодизацией правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР. В 1943 г. по решению И.В. Сталина была официально воссоздана структура Русской православной церкви, восстановлено патриаршество, определены

[10] *Алексеев С.С.* Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. С. 216.

идеологические рамки, основные принципы и новые механизмы взаимодействия государства и церкви, которые продолжали действовать вплоть до распада Советского Союза.

Будет справедливо указать, что предпосылки изменения вектора государственной политики в отношении религиозных объединений появились задолго до знаменитой встречи И.В. Сталина с церковным руководством 4 сентября 1943 г. В связи с этим, а также с учетом частичной преемственности советских законодательных норм (продолжал действовать ряд важных законов в этой области, принятых еще в конце 1920-х гг.) и наследовании церковно-канонических установлений, в отдельных частях исследования появляется необходимость обращения к более ранним этапам развития государственно-церковных отношений.

Верхняя граница хронологических рамок связана с начавшимся в период перестройки разворотом государственной политики по отношению к религии. Знаковым событием этого времени стало всесоюзное празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г., а в 1990 г. были приняты Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях»[11] и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»[12], провозгласившие и закрепившие на практике нормы о свободе совести и свободе вероисповедания, а также определившие правовой статус религиозных объединений и наделившие их правоспособностью юридического лица. В результате был упразднен Совет по делам религий при Совете Министров СССР, а советская система правового регулирования государственно-религиозных отношений прекратила свое существование. Отметим, что процесс «религиозного возрождения» в работе предметно не рассматривается.

При этом нельзя рассматривать политику в сфере регулирования государственно-религиозных отношений в СССР после 1943 г. как нечто единое. Отношения государства и церкви развивались и изменялись, включая как периоды особого интереса государства к идеологической и политической роли православия (начало анализируемого периода), так и обострения противоречий (например, политика Н.С. Хрущева) и относительного затишья в противостоянии государства и религии (эпоха Л.И. Брежнева).

---

[11] О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

[12] О свободе вероисповеданий : Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 240.

**Территориальные рамки** исследования включают республики СССР, являвшиеся канонической территорией Русской православной церкви и местами наибольшей распространенности православия (преимущественно, территорию РСФСР; в отдельных необходимых случаях мы будем также обращаться к опыту Украинской, Белорусской ССР и некоторых других республик)[13]. При анализе республиканского уровня правового регулирования сферы государственно-религиозных отношений, как правило, приводятся нормативные правовые акты РСФСР. Следует иметь в виду, что для республиканского регулирования вопросов религии и правоприменительной практики характерно наличие региональных особенностей, в частности, связанных с влиянием политических, культурных и этнорелигиозных факторов, – они также отдельно исследуются в тексте работы.

**Степени изученности вопроса (краткая историография).** Исследование правового регулирования государственно-религиозных отношений, характер режима светскости и роль религии в российской истории и современной России является одной из важных тем в научном дискурсе.

В соответствии с логикой диссертационного исследования мы выделим несколько основных блоков в массиве имеющейся научной литературы.

*Первое направление* образуют историко-правовые исследования, посвященные эволюции государственно-религиозных отношений в России, развитию законодательства о свободе совести и статусу религиозных организаций. Фундаментальный вклад в эту область внесли, в частности, А.А. Дорская, И.А. Исаев, А.М. Осавелюк, Д.А. Пашенцев, О.Н. Петюкова, С.А. Салтыкова, А.А. Сафонов, И.А. Шершнева-Цитульская. В большинстве этих работ детально описана проблематика отношений государства и церкви в различные дореволюционные периоды, небольшое количество исследований освещает особенности правового регулирования непосредственно после революции 1917 г. Однако комплексные историко-правовые исследования советской модели регулирования периода после Великой Отечественной войны в отечественной юриспруденции практически отсутствуют.

*Второе направление* – работы, посвященные изучению особенностей советской правовой системы и специфики советской управленческой модели. Здесь необходимо

[13] В нашем исследовании мы не описываем, например, положение православия в Грузии как территории автокефальной (независимой) Грузинской православной церкви.

отметить различие в подходах советских и зарубежных исследователей. Советские авторы, как правило, в строгом позитивистском ключе излагали особенности построения системы правового регулирования, анализировали иерархию нормативных актов и отраслевое законодательство (напр., С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, Ю.А. Тихомиров, Б.М. Лазарев, А.П. Лукьянов). В свою очередь, зарубежные авторы (Г. Гилл, Ю. Хаски, П. Соломон, Н. Петро, Д. Лебер, Дж. Патон, Д. Вовк, Д. Моял) обращали внимание на скрытые механизмы принятия политических решений, влияние партийных органов, секретность законотворчества и прерогативное право. Для целей настоящей работы принципиально важно учитывать наработки и тех и других авторов.

*Третье направление* составляют исследования, посвященные развитию православного церковного (канонического) права. В этой группе большое методологическое значение имеют дореволюционные работы российских ученых-правоведов, заложивших основы науки о церковном праве (Н.С. Суворов, А.С. Павлов, П.А. Лашкарев, Н.А. Заозерский, И.С. Бердников). В трудах современных специалистов (М.Ю. Варьяс, Е.В. Белякова, прот. В. Цыпин) продолжается осмысление православных канонов. При этом слабым местом данной подгруппы является практически полное отсутствие рефлексии в отношении принципов взаимодействия церкви со светским, нерелигиозным государством. Впрочем, это объясняется не столько невниманием авторов к данным вопросам, сколько отсутствием соответствующих прецедентов в истории Русской православной церкви.

*Четвертое направление* исследований носит междисциплинарный характер и состоит из двух взаимосвязанных пластов. Историко-фактологическая база государственно-религиозных отношений в России разработана в трудах ведущих российских и зарубежных историков, как светских, так и православных (Д.В. Поспеловский, М.И. Одинцов, М.В. Шкаровский, О.Ю. Васильева, А.Л. Беглов, Т.А. Чумаченко, Н.А. Белякова, специалисты Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета). Количество этих работ достаточно велико, однако большинство из них не используют методы институционального анализа, оставаясь в русле нарративного подхода. В свою очередь, исследования неформальной стороны правоотношений, взаимодействия правовых и неправовых способов регулирования (Г. Хелмке и С. Левицки, А. Леденева, Дж. Бурбанк, Р. Беккин) в подавляющем большинстве относятся к области социологии и политологии. Упомянутые работы

практически не касаются специфики государственно-религиозных отношений, однако их теоретические подходы могут быть успешно адаптированы для целей историко-правового исследования.

Таким образом, несмотря на значительный массив российской и зарубежной научной литературы, многие составляющие проблематики правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви остаются вне фокуса внимания исследователей. Комплексный историко-правовой подход, который позволил бы концептуально объединить изучение формальных юридических предписаний (нормативно-правовой базы), соответствующих норм церковного (канонического) права и неформальных правил и практик государственно-религиозных отношений в единый институциональный механизм, реализован не был. Настоящая работа призвана восполнить этот научный пробел.

**Общая характеристика источников исследования**. Настоящее исследование построено на нескольких группах источников, выделенных нами в соответствии с поставленной целью и задачами. Учитывая историко-правовой предмет исследования, фундаментальную основу источниковой базы образуют собственно источники правового регулирования государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг., определявшие формальные рамки взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви. Вместе с тем для выявления механизма фактического действия этих норм (институциональной практики) в источниковую базу включены материалы правоприменительной практики, православного церковного (канонического) права и источники личного происхождения.

В соответствии с нашей методологической концепцией весь массив источников разделен на две большие группы: источники формальных правил и практик государственно-религиозных правоотношений и источники, отражающие практическую и неформальную стороны этого взаимодействия.

*Первую группу* составляют нормативные правовые акты, архивные материалы правоприменительной практики, а также отдельные положения церковного права и официальные документы Русской православной церкви. Это, в том числе:

а) источники государственного правового регулирования – положения Конституций СССР 1936 и 1977 гг., нормативные правовые акты, принятые высшими

союзными партийными и советскими органами, а также республиканскими органами государственной власти;

б) ведомственные и партийные акты – делопроизводственные документы Совета по делам Русской православной церкви (религий) при Совете Министров СССР, в том числе инструкции и указания в адрес уполномоченных Совета на местах, докладные записки и отчеты в вышестоящие государственные и партийные инстанции;

в) материалы государственных архивов (источники правоприменительной практики) – не опубликованные в советское время нормативные, распорядительные и правоприменительные акты, инструкции и указания (как правило, засекреченные или имевшие ограничительную пометку), извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в первую очередь – материалы Совета по делам религий (фонд № Р-6991). Особую ценность для реконструкции правотворческого процесса и анализа коллизий союзного и республиканского законодательства о культах представляют материалы Юридической комиссии при Совете Министров СССР (ГАРФ, фонд № Р-9514), связанные с процедурой согласования Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г. (Оп. 1. Д. 170), впервые вводимые нами в научный оборот. Следует отметить, что немалая часть архивных документов рассматриваемого периода до настоящего времени не рассекречена.

Используются и опубликованные исследователями материалы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и региональных архивов;

г) источники церковного (канонического) права и документы делопроизводства РПЦ. Сюда же относятся публикации общецерковного периодического издания – «Журнала Московской патриархии» (возобновлен в 1943 г.), дающие представление о направлениях официальной церковной мысли советского периода.

Ограничение исследования правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви лишь государственно-правовой рамкой представляется недостаточным в силу специфики религиозных организаций как институциональных акторов, которые в первую очередь исходят из «идеальных» представлений о месте церкви в государстве и обществе, почерпнутых из богословской и канонической традиции. Эти представления формируют особую когнитивную рамку церковного сознания (по М. Дуглас), через которую интерпретируются нормы

государственного права. Поэтому положения канонического права и церковно-административные документы выступают важным источником историко-правового исследования государственно-религиозных отношений.

*Вторая группа* – источники, привлекаемые для выявления действовавших в рассматриваемый период конкретных правоприменительных практик, неформальных правил и практик государственно-религиозного взаимодействия, а также для исследования специфики правосознания субъектов этих отношений.

Для их изучения, прежде всего, сосредоточимся на конфликтных кейсах, в которых наиболее ярко проявлялся разрыв между нормативным и фактическим, становилось очевидным отклонение от нормативности, выявлялись трудности с реализацией законов. Конфликты по поводу регистрации, передачи имущества, кадровых назначений и пр. нашли свое отражение в делопроизводственной документации советов и уполномоченных на местах[14]. Подобные материалы дают нам возможность увидеть проблемные аспекты правоприменительной практики.

Особую ценность для исследования имеют различные обращения и жалобы духовенства и верующих, описывающие случаи применения законодательства о культах, в которых авторы видели нарушения или злоупотребления со стороны местных органов власти. Эти обращения могли направляться как в вышестоящие советские и партийные органы («письма во власть»), так и на имя патриарха. Обращения верующих представляют интерес для исследователя, поскольку являются показателем правосознания граждан, свидетельствуют о попытках использовать легальные механизмы защиты своих конституционных прав[15].

---

[14] «Русская православная церковь стала на правильный путь» : докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова И.В. Сталину. 1943–1946 гг. / публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 139–148 ; № 4. С. 90–112 ; «Прошу Ваших указаний» : докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР / публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 2000. № 2. С. 153–186 ; Крымская епархия под началом святителя Луки (Войно-Ясенецкого) : сб. док. [Симферополь] : Новая Орианда, 2010 и др.

[15] Множество обращений содержится в указанном фонде № Р-6991 ГАРФ. Большую эвристическую ценность имеет опубликованная переписка патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) с Советом по делам РПЦ: Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970-е гг. В 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой ; отв. сост. Ю.Г. Орлова ; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. М. : РОССПЭН, 2008–2009.

Кроме того, обозначенный нами в исследовании акцент на коллективных представлениях (как неотъемлемой части правосознания) требует привлечения источников личного характера – мемуаров, воспоминаний, биографической литературы, в которых описываются интересующие нас аспекты правоприменения и восприятие особенностей государственно-религиозных отношений непосредственными участниками событий. В контексте историко-правового исследования эти материалы используются для выявления скрытых механизмов взаимодействия государства и института РПЦ, складывавшейся практики бюрократического администрирования и институциональных стратегий (способов) обхода установленных ограничений.

Взятые в совокупности, эти источники позволяют реконструировать институциональную архитектуру советской модели правового регулирования государственно-религиозных отношений в 1940-х – 1980-х гг., а также оценить степень влияния неправовых механизмов на правоприменительную практику.

**Методология исследования**.

Проведенный анализ имеющейся источниковой базы и научной литературы показал, что, в силу специфики самой темы религии (непосредственно связанной с личной самоидентификацией индивидов, а также с коллективными установками, присущими сообществам верующих и оказывающими существенное влияние на их правосознание), для всестороннего исследования проблематики правового регулирования государственно-религиозных отношений в исторической ретроспективе недостаточно рассматривать право лишь в русле подхода «юридического позитивизма», который сводит право к системе общеобязательных норм, выраженных в законах и иных нормативных правовых актах, а также других признаваемых государством источниках, и который в его предельном выражении В.Д. Зорькин называл «волюнтаристской трактовкой права»[16].

Для преодоления существующих эпистемологических ограничений нами был разработан, теоретически обоснован и апробирован новый методологический подход

[16] *Зорькин В.Д.* Юридический позитивизм // История правовых и политических учений / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1983. С. 495. Д.А. Пашенцев подчеркивает необходимость обогащения методологического арсенала историко-правовой науки: многие современные научные проблемы имеют комплексный характер и не могут быть исследованы исключительно в рамках одного узкого научного направления (*Пашенцев Д.А*. Историко-правовая наука : поиск новой методологии : монография. М. : ИНФРА-М, 2026. С. 4, 40).

для изучения вопросов правового регулирования государственно-религиозных отношений – историко-правовой неоинституционализм.

Концепция остается в рамках историко-правового подхода, сохраняя фокус на анализе правового регулирования государственно-религиозных отношений, но расширяет методологический инструментарий для более глубокого понимания механизмов формирования, функционирования и эволюции правовых норм в их историческом и институциональном контексте. Она интегрирует классический институционализм Мориса Ориу (Maurice Hauriou, 1856–1929) и Санти Романо (Santi Romano, 1875–1947), неоинституциональную теорию права Нила Маккормика (Neil MacCormick, 1941–2009) и Оты Вайнбергера (Ota Weinberger, 1919–2009), экономический неоинституционализм Дугласа Норта (Douglass North, 1920–2015) и антропологический институциональный анализ Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007).

Подход направлен на преодоление ограничений существующих историографических традиций для того, чтобы изучить не только нормативные, но и фактические параметры взаимодействия государственных и религиозных институтов.

В рамках предложенного подхода право рассматривается как многоаспектное явление, внутри которого общественные отношения регулируются не только нормативными правовыми актами государственных органов, но и нормами социального порядка, убеждениями, коллективными представлениями и т.д. Эта оговорка особенно важна для советской правовой системы, в которой первостепенную роль в формировании правовой политики играли указания и решения ЦК КПСС. Церковное право также необходимо воспринимать не только в контексте социальной реальности, рациональной мотивации верующих и религиозных институтов (профанное), но и в плоскости представлений об идеальном, почерпнутых из церковной традиции (сакральное). Неоспоримо, что религиозные институты являются обладателями символического ресурса, базирующегося на вере, убеждениях, традиции, специфическом церковном правосознании и восприятии себя и окружающего мира через призму веры, сакральных авторитетов.

Мы рассматриваем субъектов государственно-религиозных правоотношений как полноценных участников системы правового регулирования, способных влиять не только на правоприменительную практику, но и на создание новых норм и правил.

В основе предложенной методологии лежит анализ взаимодействия государства и религии на трех взаимосвязанных уровнях: формально-юридическом, организационном и культурно-когнитивном. Государственно-религиозные отношения описываются как упорядоченная система социальных и институциональных взаимодействий, формируемая деятельностью институтов и организаций, которая основана на формальных и неформальных нормах и правилах и коллективном восприятии себя и мира этими институтами и верующими. Помимо тщательного изучения формальных правовых норм, методология подразумевает анализ практики правоприменения с учетом неформальных правил и практик, норм церковного канонического права, коллективных представлений верующих, советских граждан и бюрократии, а также социальных практик, определяющих фактические параметры государственно-религиозных отношений.

Подход представляет собой комплексную аналитическую модель, объясняющую, каким образом правовые нормы, организационные стратегии и когнитивные установки государственных и религиозных институтов, переплетаясь, конструируют динамичный механизм правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Важной аналитической оптикой внутри историко-правового неоинституционализма является концепция правового плюрализма в изложении Брайана Таманахи (Brian Z. Tamanaha). Американский ученый выделяет шесть основных форм нормативного регулирования, которые могут одновременно присутствовать в обществе. Среди них – «официальные правовые системы», «обычные/культурные» и «религиозные/культурные» нормативные системы и ряд других[17]. Поскольку каждый из источников нормативного регулирования претендует на обладание обязывающей силой и определенный контроль над индивидами, между ними происходят столкновения[18].

---

[17] *Таманаха Б.З.* Понимание правового плюрализма : от прошлого к настоящему, от локального к глобальному / пер. с англ. В.М. Куприянова // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов. М. : Статут, 2014. С. 145–184.

[18] Для минимизации конфликтности государство использует несколько стратегий: 1) агрессивное подавление конкурирующих институтов; 2) поглощение (существование конкурирующей системы признается, система включается в государственную иерархию и ей даже может оказываться административная, финансовая или иная поддержка в качестве стимула для подчинения); 3) установление контроля при фактическом попустительстве (такая реакция возникает, когда государство осознает недостаточность сил для реального подавления глубоко укорененной конкурирующей нормативной системы) (*Таманаха Б.З.* Понимание правового плюрализма. С. 172–176).

Идеи Б. Таманахи, тесно перекликаясь с авторским методологическим подходом, дают аналитический инструментарий для объяснения, почему формальные юридические запреты не работали или работали не в полную силу, а также позволяют описать государственно-религиозные отношения в СССР как поле постоянной асимметричной борьбы двух равноправных с точки зрения социального действия нормативных систем, где каждая претендует на высшую обязательность.

**Методы исследования**. Среди использованных методов диссертационного исследования – общенаучные, общеюридические и частнонаучные методы. Исследование основывается на принципах историзма и научной объективности. Принцип историзма позволил изучить систему правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в ее развитии с учетом всех взаимосвязей и взаимодействий с другими объектами и структурами; например, выявить эволюцию правовых институтов от периода формирования системы в 1940-х – 1950-х гг. (через этап ужесточения антирелигиозной политики конца 1950-х – первой половины 1960-х гг.) к дальнейшей относительной стабилизации курса.

Следование принципу научной объективности явилось важным условием адекватного познания природы объекта и предмета исследования, подразумевающего стремление к непредвзятым выводам и оценкам событий прошлого, свободным от идеологических клише советского атеистического дискурса или апологетики со стороны церковных авторов.

Наряду с общенаучными методами индукции и дедукции, анализа и синтеза, классификации применялись специальные методы исторического и правового познания.

Проблемно-хронологический метод использовался для периодизации правового регулирования государственно-религиозных отношений, позволив выделить его основные этапы и проследить трансформацию формальных и неформальных институтов на каждом из них.

Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления различных моделей государственно-религиозных отношений внутри СССР (региональные практики правоприменения), а также для анализа динамики отношений государства и РПЦ на разных исторических этапах.

Системно-структурный метод был задействован для исследования системы правового регулирования как многоуровневого комплекса формальных норм

(законодательство, подзаконные акты, инструкции) и неформальных институциональных правил (практики уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, механизмы контроля, негласные директивы).

В ряду специальных юридических методов ключевую роль играл формально-юридический (догматический) метод, позволивший провести детальный анализ нормативных правовых актов – как опубликованных (Конституции СССР 1936 и 1977 гг., правительственные акты и т.д.), так и не публиковавшихся документов ограниченного пользования, выявленных в архивах (инструкции, директивы, служебные письма).

Историко-правовой метод использовался для изучения генезиса институтов государственно-религиозных отношений, анализа преемственности и разрывов в правовом регулировании от дореволюционного периода через раннесоветскую эпоху к периоду 1940-х – 1980-х гг.

Метод архивной эвристики составил основу источниковой базы работы: изучение фондов Государственного архива Российской Федерации (прежде всего фонд Р-6991 – Совет по делам РПЦ и др.) позволило реконструировать реальные механизмы правоприменения, выявить расхождения между de jure и de facto в правовом регулировании.

Институциональный анализ, базирующийся на авторской методологии историко-правового неоинституционализма, применялся для изучения взаимодействия формальных и неформальных институтов в формировании правовых практик, выявления когнитивных рамок акторов государственно-религиозных отношений.

В ряду частнонаучных методов изучения проблем истории государства и права значение для работы имел конкретно-социологический метод познания как метод, позволяющий подвергнуть историко-правовому анализу общественные явления, нередко остающиеся за пределами внимания ученых: реальные практики верующих, церковной иерархии и представителей государственных органов, механизмы неформального взаимодействия, адаптационные стратегии религиозных организаций в условиях правовых ограничений.

Документально-иллюстративный метод применялся для введения в научный оборот архивных документов, мемуаров, материалов периодической печати, позволяя реконструировать живую ткань правоотношений.

Комплексное применение указанных методов в рамках авторской методологической концепции историко-правового неоинституционализма обеспечило всесторонний анализ правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в период 1940-х – 1980-х гг.

**Научная новизна исследования** состоит в том, что на основе комплексного анализа нормативных правовых актов советского законодательства о культах, секретных актов и делопроизводственных материалов государственных органов, а также выявленных в ходе исследования неформальных правил и практик взаимодействия государства и Русской православной церкви впервые реконструируется механизм правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. как единая регуляторная система.

Как правило, исторические работы, посвященные изучению государственно-религиозных отношений в СССР, рассматривают состояние религиозной среды в конкретный временной период, не подходя систематически к анализу законодательства. В свою очередь, большинство имеющихся историко-правовых исследований основывается на позитивистской методологии, описывая нормативно-правовую базу исследуемого периода и сопоставляя ее с имеющимися архивными и другими данными. При этом ни те ни другие чаще всего не рассматривают церковь как полноценный субъект государственно-религиозных отношений. Эти устоявшиеся подходы не позволяют ответить на ряд вопросов, касающихся реальных механизмов законотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов, восприятия формальных (законодательных) рамок членами церкви, а также особенностей правосознания субъектов государственно-религиозных правоотношений.

Для преодоления этого разрыва в работе используется новый методологический подход, позволяющий охарактеризовать взаимодействие институтов Советского государства и Русской православной церкви, проанализировать соотношение формальных и неформальных норм и практик внутри складывавшегося в 1940-х – 1980-х гг. механизма правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Данный подход впервые в историографии учитывает институциональную специфику Русской православной церкви: значение внутренних церковных регуляторов и устойчивых механизмов обхода законодательных ограничений. Это позволяет по-новому взглянуть на динамику изменений в правовом регулировании государственно-религиозных отношений в СССР и сделать вывод об общих закономерностях развития институциональной модели этих отношений в советский период.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Правовое регулирование государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг. представляло собой институциональную систему, основанную на дуализме конституционных норм и фактического законодательства. Конституционные гарантии свободы совести существовали формально, тогда как реальное правовое регулирование носило ограничительный и антирелигиозный характер. Данный дуализм являлся структурным элементом советского правопорядка, а не случайным противоречием и обеспечивал возможность гибкого применения ограничительных мер в отношении религиозных организаций. Его проявлениями выступали рамочность законодательства, определявшая беспрецедентно широкие пределы административного усмотрения; избыточная секретность нормотворчества, создававшая дефицит правовой информации для религиозных объединений; доминирование «прерогативного» права – абсолютный приоритет идеологических директив партийного аппарата над писаным законом.

2. В осуществлении правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР участвовали различные институты с несовпадавшими, а нередко и противоречивыми полномочиями и интересами: партийные органы (ЦК КПСС и партийные организации на местах), Совет по делам Русской православной церкви (религий), исполнительные комитеты местных Советов, органы государственной безопасности. Партийные органы определяли общую идеологическую линию и фактически корректировали применение законодательства, что создавало условия для произвольного толкования норм и обусловливало региональные и ведомственные расхождения в применении законодательства о религиозных культах.

3. Особым государственным субъектом регулирования выступал Совет по делам РПЦ (религий). В условиях советской политико-правовой системы он действовал не как

обычный орган исполнительной власти, но как институциональный медиатор. Будучи формальным проводником антирелигиозной политики партии, Совет в своей практической деятельности в том числе руководствовался собственными бюрократическими интересами и необходимостью сохранения управляемости религиозной сферы. Это противоречие определяло двойственность деятельности Совета: следование партийным директивам сочеталось с фактическим смягчением отдельных репрессивных мер, что нередко не соответствовало идеологическим установкам ЦК КПСС и неоднократно становилось предметом партийной критики.

4. В условиях советской правовой реальности институциональная модель Русской православной церкви претерпела значительную трансформацию. Лишившись опоры на традиционные для имперского периода представления о «симфонии властей» и столкнувшись с отсутствием в каноническом праве ясной доктринальной альтернативы, церковь была вынуждена определять принципы существования в секулярном государстве и формат взаимодействия с ним. В процессе адаптации к новой правовой реальности произошла деформация административных элементов церковного права при неприкосновенности его догматического и канонического ядра, сокращение церковной инфраструктуры, огосударствление церковной кадровой политики. В результате были созданы условия для формирования советского церковного правосознания, непротиворечиво сочетавшего в себе лояльность и патриотизм с религиозными установками.

5. Русская православная церковь не являлась лишь пассивным объектом правового регулирования, а выступала институциональным актором, вырабатывавшим собственную стратегию взаимодействия с государственными органами. При этом церковные институты разного уровня – от Московской патриархии в лице высших иерархов до приходов – использовали пробелы в законодательстве о религиозных культах и несогласованность действий различных ведомств для смягчения ограничительных мер. Это превращало правоприменение в процесс институционального взаимодействия, основанного на компромиссах между государственным контролем и стремлением церкви к сохранению институциональной автономии.

Избрав стратегию институционального компромисса, РПЦ приняла навязанные государством условия деятельности и интегрировалась в советскую систему с целью сохранения своей инфраструктуры и расширения пределов дозволенного. При этом

такая адаптация не сводилась к внешнему конформизму: усвоение советских нормативных и административных практик привело к внутренней перестройке церковного управления и способов взаимодействия с государством. В результате сформировался феномен «советской церкви» – института, в котором религиозная идентичность значительной части духовенства и мирян непротиворечиво сочеталась с советской гражданской идентичностью.

6. Стремление Советского государства контролировать Русскую православную церковь выражалось в использовании административно-правовых инструментов, включая систематическое вмешательство в вопросы кадровой политики и духовного образования. Устанавливая обязательное согласование назначений епископата и приходского духовенства, государство намеревалось превратить РПЦ в управляемую квазигосударственную бюрократическую структуру, интегрированную в советскую систему административного контроля. Следствием этого давления стала структурная эволюция самой церкви: в целях самосохранения и адаптации к внешнему давлению РПЦ укрепила централизованную властную вертикаль, в значительной степени воспроизводившую элементы советских управленческих практик.

7. На уровне правоприменительной практики процедуры регистрации религиозных общин, передачи культового имущества и открытия/закрытия храмов носили неоднородный и ситуативный характер. Вследствие рамочности формулировок и оценочного характера многих норм указанные процедуры могли использоваться местными органами власти и как механизм реализации свободы совести, и как гибкий административный фильтр, и как инструмент воздействия на церковную инфраструктуру. Направленность правоприменения нередко определялась не столько формальными предписаниями, сколько соотношением позиций местных исполкомов, уполномоченных Совета, партийного руководства и органов госбезопасности, а также активностью самих верующих в конкретный период.

8. Системный разрыв между провозглашаемыми в Конституции СССР свободами, реальной правоприменительной практикой и представлениями верующих об идеальной модели государственно-религиозных отношений выступал катализатором локальных конфликтов между церковью и местными органами власти. Не имея доступа к секретному массиву подзаконных актов, реально регламентирующих деятельность религиозных общин, верующие выработали специфическую правовую стратегию

сопротивления административному произволу. В своих петициях и жалобах в высшие органы власти они последовательно апеллировали к конституционным нормам о свободе религии. Тем самым формально провозглашаемые конституционные гарантии парадоксальным образом превращались для верующих в единственный доступный им легитимный инструмент защиты институциональной автономии церкви и своих прав от административного произвола местных властей.

9. Вследствие дефицита правовой информации и эффективных легальных механизмов защиты прав верующих функционально значимым элементом системы регулирования стала институционализация неформальных практик в сфере государственно-религиозных отношений. Церковная иерархия и представители государственной власти систематически прибегали к неформальным механизмам взаимодействия и согласования интересов: кураторству уполномоченных и представителей органов государственной безопасности, выстраиванию доверительных личных отношений, предоставлению номенклатурных привилегий лояльному духовенству, кулуарным договоренностям и пр. Эти практики формировали обширную «серую зону» правоотношений – юридически не формализованные, но de facto нормативные, регулярные формы взаимодействия. Они использовались субъектами для ситуативного расширения границ дозволенного и снижения издержек в условиях правовой неопределенности и заложили институциональные основы для моделей взаимодействия церкви и государства в постсоветский период.

10. Результатом взаимодействия Советского государства и РПЦ в 1940-х – 1980-х гг. стало формирование особого социально-правового порядка – специфической советской модели регулирования государственно-религиозных отношений. Ключевыми характеристиками данной модели являлись: опора на прерогативное право и культуру секретности; систематическое замещение и дополнение формальных юридических процедур неформальными практиками; институциональная адаптация церкви, выработавшей стратегию внешней лояльности как инструмент ситуативного расширения реальных границ дозволенного при формальном соблюдении нормативных ограничений.

11. Архитектура государственно-религиозных отношений в СССР в рассматриваемый период может быть теоретически осмыслена через призму концепции правового плюрализма как асимметричное сосуществование конкурирующих

нормативных порядков (Брайан Таманаха) – советского позитивного права и канонического права РПЦ – при безусловно доминирующей роли государства. Стратегия государства в отношении церковного правопорядка менялась в зависимости от политической конъюнктуры: в 1940-х гг. – начало инкорпорации церкви в советскую систему; в конце 1950-х – начале 1960-х гг. – подавление конкурирующего института; в 1970-х – 1980-х гг. – политический контроль при формальном признании внутренней автономии. Однако советское правовое регулирование не уничтожило автономный канонический правопорядок, а локализовало его, вытеснив в сферу внутрицерковных отношений, где он продолжал регулировать корпоративную жизнь церкви и служил основой религиозной идентичности верующих.

12. Применение историко-правового неоинституционализма в качестве методологического подхода позволяет существенно расширить возможности традиционного формально-догматического анализа правового регулирования государственно-религиозных отношений. Синтез институциональных теорий делает возможным выявление реальных механизмов регуляторного воздействия, интегрируя в единый предмет исследования формальные юридические предписания, неформальные властные практики, аппаратные интересы и когнитивные рамки акторов. Данный подход предоставляет адекватный научный инструментарий для комплексного анализа того, как правовая система и государственные институты формируют повседневный правовой опыт верующих и как сами религиозные институты, в свою очередь, адаптируют и переопределяют нормативные ограничения.

**Практическое значение исследования** обусловлено решением управленческой задачи выстраивания разумного баланса между светскостью государства и обеспечением прав верующих на свободу совести и вероисповедания. Результаты работы могут дать теоретическое обоснование наиболее адекватных и эффективных правовых форм взаимодействия государства, общества и религиозных объединений, в том числе в части совершенствования современного законодательства о свободе совести и оптимизации правоприменения для обеспечения общественно-политической стабильности.

Изложенные в диссертации выводы и предложения имеют большое значение для развития фундаментальных исследований в области государственно-религиозных отношений.

Материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных программ, учебников и учебно-методических пособий по отечественной истории, истории государства и права, истории религий России и в процессе преподавания в юридических вузах и духовных образовательных организациях историко-теоретических и отраслевых профессиональных дисциплин.

**Степень достоверности и апробация результатов исследования**.

Достоверность результатов исследования определена научной методологией диссертационной работы, нормативной и эмпирической базой, ее теоретической основой, комплексным характером примененных методов научного анализа проблем правового регулирования государственно-религиозных отношений, отвечающих поставленным целям и задачам, в своей совокупности позволившими обеспечить непротиворечивость исходных научных положений, внутреннюю логику, аргументированность выводов и предложений, сформулированных в диссертации.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные положения работы обсуждались в рамках специальных научных семинаров, организованных в научных центрах Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики». Материалы диссертации были использованы в преподавании учебных дисциплин «История государства и права России», «История России», «История государства и права зарубежных стран» МГЮА.

Содержание и базовые положения диссертации получили освещение в докладах и сообщениях на 16 научных мероприятиях, в том числе шести международных конференциях, и изложены в 20 публикациях общим объемом более 16,15 п.л. в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

**Структура диссертационного исследования** обусловлена его целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, приложений.

## Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, указываются его методологическая и теоретическая основы, нормативная и эмпирическая базы, раскрывается его научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, дается характеристика теоретической и практической значимости исследования и приводятся сведения об апробации проделанной работы, описывается структура диссертации.

Первая глава «**Историографические, источниковедческие и теоретико-методологические основы исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.**» состоит из трех параграфов, в рамках которых рассматриваются теоретические вопросы изучения избранной проблематики.

В первом параграфе ***«Источниковая база исследования правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.»*** проанализирован эвристический потенциал имеющихся источников по теме правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. Их подбор определяется несколькими обстоятельствами:

1) спецификой правового регулирования государственно-религиозных отношений в обозначенный период, когда реальное регулирование ушло в область подзаконных актов и различных указаний и инструкций (часто – секретных);

2) избранной методологической оптикой, которая:

- видит в РПЦ полноценного субъекта правоотношений и нацеливает на изучение устройства РПЦ как института с учетом коллективных представлений верующих о роли государства-регулятора в соответствии с положениями церковного (канонического) права;
- подразумевает необходимость изучения неформальных правил и практик.

Выделяется несколько групп источников, которые позволяют изучить *формальные правила*. Среди них – нормативные правовые акты, партийные документы, архивные материалы правоприменительной практики, судебных и правоохранительных

органов, отдельные нормы церковного права, официальные документы Русской православной церкви и церковная пресса.

Нормативно-правовая база исследуемого периода указывает на изначальную интенцию партийных и советских органов власти, их видение направления государственной политики в отношении религии и правового статуса церкви в Советском Союзе. Материалы официального документооборота, распоряжения и инструкции, межведомственная переписка и проч. позволяют представить, каким образом шла проработка тех или иных вопросов, связанных с нормативно-правовым регулированием и его осуществлением на практике.

При изучении тех аспектов церковного права, которые связаны с жизнью государства, общества и церкви, важно принимать во внимание не только церковную доктрину (богословские основания, которые, по сути, представляют собой формальные правила церкви), но и ее преломление в церковной жизни исследуемого периода (реальные практики правоприменения, исходящие как из формальных, так и из неформальных правил). Исторически сформированные представления Русской православной церкви о самой себе, своем правовом статусе, месте в общественной жизни и отношениях с государством проиллюстрированы на основе анализа корпуса церковно-правовых источников.

Материалы *правоприменительной практики*, в свою очередь, содержатся как в архивных документах (в том числе переписке руководства Московской патриархии, обращениях духовенства и рядовых верующих в вышестоящие инстанции), так и в многочисленных свидетельствах личного характера.

*Неформальные правила и практики* исследуются с опорой на опубликованные архивные документы (переписка руководства РПЦ с государственными органами, обращения верующих и др.) и источники личного происхождения. Несмотря на фрагментарность подобных свидетельств, их слабое отражение в письменных документах, мы тем не менее можем опираться на ряд доступных в перечисленных источниках прямых и косвенных указаний. Это решает задачу выявления неформальной составляющей правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.

Таким образом, представленный корпус источников репрезентативен и обладает достаточным эвристическим потенциалом для достижения целей нашего исследования.

Во втором параграфе ***«Отечественная и зарубежная историография правового регулирования государственно-религиозных отношений: основные направления и подходы»*** систематизированы имеющиеся исследования по следующим направлениям: 1) особенности советской правовой системы и советской модели правового регулирования; 2) развитие православного церковного (канонического) права; 3) история и правовое регулирование государственно-религиозных отношений в России в различные периоды; 4) роль коллективных представлений, «неписаных правил» и неформальности, взаимодействие правовых и неправовых способов регулирования общественных отношений в общемировом и российском контекстах.

Историко-правовые работы о правовом регулировании государственно-религиозных отношений в России в основном сосредоточены на дореволюционном или современном периодах, единичные исследования разбирают правовую ситуацию 1920-х – 1930-х гг. или период Великой Отечественной войны, но практически отсутствуют работы, изучающие специфику 1940-х – 1980-х гг.

Наиболее многочисленны исследования российских и зарубежных историков, посвященные изучению отдельных аспектов государственно-религиозных отношений в XX веке и появившиеся благодаря открывшейся в 1990-е гг. возможности использовать архивные материалы партийных и советских органов власти.

Узким местом большинства работ являются доминирование позитивистского подхода и слабая адаптация институциональной методологии. Часть выполненных в «классическом» ключе публикаций почти целиком посвящена пересказу обнаруженных архивных документов. Если исторические работы нередко некритично следуют за логикой «найденной в архивах» информации, то для историко-правовых работ бывает характерно сведение правового регулирования к изложению нормативно-правовой базы того или иного периода – без учета, например, особенностей правосознания субъектов правоотношений или неписаных правил их взаимодействия. Внимание как историков, так и правоведов в основном сосредоточено на изучении советского законодательства (формальных правил) – того, как должны были выстраиваться отношения государства и религиозных институтов и организаций, исходя из нормативных предписаний. В итоге видимой является «верхушка» политико-правового, социального «айсберга», находящаяся в сфере предписанных норм, часто слабо связанных с социальной тканью и поведением верующих, а неформальные правила и практики игнорируются.

Кроме того, в историографии недостаточно разработан вопрос правосубъектности РПЦ в 1940-х – 1980-х гг. В подавляющем большинстве работ церковь не рассматривается как институциональный субъект, состоящий из множества отдельных акторов, оперирующий набором внутренних правил и ограничений и вместе с тем влияющий на советский социум, формирующий (вместе с государственными органами) определенную среду и новые правила взаимодействия. Церковное право не рассматривается как самостоятельный правовой порядок.

Церковная историография также нередко характеризуется слабой проработкой вопроса субъектности иерархов РПЦ в отношениях с Советским государством. Она традиционно сосредоточена на описании истории гонений со стороны атеистического режима и несколько упрощенно описывает церковное сопротивление ему в повседневной приходской жизни. Проблематика сотрудничества церковных иерархов с режимом, а также значение этого процесса для институциональной эволюции церкви в большинстве случаев остаются вне фокуса внимания церковных авторов.

Третий параграф ***«Эвристический потенциал институциональных и неоинституциональных теорий в историко-правовом исследовании государственно-религиозных отношений»*** посвящен описанию авторского методологического подхода (историко-правовой неоинституционализм), который опирается на аналитическую рамку существующих на сегодняшний день авторитетных институциональных и неоинституциональных теорий права и предлагается как основа для изучения историко-правовых аспектов государственно-религиозных отношений. В фокусе нового подхода – выявление институциональной, социально-культурной логики взаимодействия государства и религиозных институтов через анализ трех взаимосвязанных уровней, без которых невозможно представить правовое регулирование общественных отношений: формально-правового, организационного, культурно-когнитивного.

Для достижения этой цели историко-правовой неоинституционализм предлагает выйти за рамки анализа исключительно нормативных правовых актов (формальных правил) и включить в исследование неформальные правила, институциональные убеждения, коллективные представления и ценностные основания советской повседневности, мышления советской бюрократии и установки религиозного права, а также социальные, в т.ч. квазиправовые, практики, которые определяли реальные параметры государственно-религиозных отношений. Все это не умаляет значения норм

права, исключает смешение правовых и неправовых средств регулирования общественных отношений.

Пересекающаяся с основными положениями авторского подхода концепция правового плюрализма в изложении Брайана Таманахи позволяет описать архитектуру государственно-религиозных взаимодействий не как монолитную структуру, а как поле перманентной асимметричной борьбы двух равноправных с точки зрения социального действия нормативных систем, где каждая претендует на высшую обязательность. Она дает аналитический инструментарий для объяснения, почему формальный юридический запрет не работал: глубоко укорененные религиозные нормы продолжали действовать через неформальные социальные сети, создавая «нормативные разрывы» в правоприменении. Данный концепт позволяет описать механизм конкуренции двух правопорядков (государственного и церковного) и государственные стратегии для минимизации конфликтов между ними: от инкорпорации церкви в советскую систему через подавление конкурирующего института к установлению политического контроля при формальном признании внутренней автономии.

Вторая глава «**Нормативные и организационные основы правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг.»** состоит из четырех параграфов и освещает вопросы формирования законодательных норм (формальных правил) и особенностей административно-организационной структуры государственных и религиозных институтов.

Первый параграф данной главы именуется «***Советское законодательство о культах и иные нормативные предписания в регулировании отношений Советского государства и Русской православной церкви».*** В нем историко-правовой ретроспективе рассматривается совокупность действовавших в указанный период конституционных и иных законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, а также ведомственных инструкций и циркуляров, составлявших основу правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР. Нормативно-правовое регулирование рассматривается как важнейшая часть механизма правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.:

законодательство о культах задавало пространство, в котором осуществлялось это взаимодействие, но данное пространство им не ограничивалось.

С позиции избранного нами методологического подхода формальные правила выполняли одновременно регулятивную, ограничительную и легитимирующую функции. С одной стороны, они очерчивали допустимые формы религиозной активности; с другой – обеспечивали административный контроль над церковной жизнью; с третьей – создавали видимость гарантий свободы совести при фактическом подчинении религиозной сферы партийно-государственному управлению.

Особенностью советского законодательства о культах в 1940-х – 1980-х гг. был разрыв между провозглашаемыми конституционными актами нормами о свободе совести и реальным правовым регулированием государственно-религиозных отношений, которое носило ограничительный и антирелигиозный характер. Менялась при этом в основном тактика советской власти: от жесткого преследования религии до противодействия ей средствами просвещения и научно-атеистической пропаганды, а в конце советского периода – до осознания неизбежности присутствия религии в социалистическом обществе.

Указанный дуализм являлся не случайным противоречием, а структурным элементом советского правопорядка, обеспечивавшим возможность гибкого применения ограничительных мер в отношении религиозных объединений, – одним из проявлений доминировавшего в советской правовой системе «прерогативного» права. Нормы, непосредственно регулировавшие отдельные аспекты правового статуса религиозных общин и соответствующие полномочия государственных органов, имели рамочный характер, создавая беспрецедентно широкие пределы административного усмотрения. Важнейшей же частью государственного регулирования стало издание партийным и советским руководством секретных актов, инструкций и указаний, которые нередко вводили порядок, напрямую противоречивший нормам законодательства.

Фактически государство в исследуемый период инструментализировало нормы законодательства о религиозных объединениях, используя их в качестве средства подавления конкурирующего церковно-канонического правопорядка.

Религиозные объединения при этом вынужденно существовали в ситуации дефицита правовой информации, имея возможность лишь сопоставлять положения

Конституции и нормы постановления 1929 г. с практикой применения законодательства органами власти на местах.

Во втором параграфе «***Советские партийные и государственные органы в системе правового регулирования государственно-религиозных отношений: структура, функции и взаимодействие***» проанализированы особенности системы государственных институтов, формировавших правовую политику, участвовавших в процессе нормотворчества и правоприменении, их полномочия и функции во взаимодействии с религиозными организациями.

Советское государство как субъект государственно-религиозных правоотношений в СССР в период 1940-х – 1980-х гг. реализовывало политические установки в отношении религии с помощью сложной и по большей части закрытой системы нормативных и ненормативных актов, составлявших формальную сторону регулирования государственно-религиозных отношений, через разветвленную сеть организаций (акторов), каждой из которых была определена, помимо нормативно закрепленных полномочий, неформальная роль. Их идеологические и управленческие задачи не во всем совпадали на разных этапах рассматриваемого периода.

Конечная цель партии заключалась в создании общества, свободного от религии, однако ее реализация допускала тактические отклонения: от «сталинского конкордата», через усиление давления, к модели формализованного контроля. Задача правительственных органов – прежде всего Совета по делам религий при Совете Министров СССР – состояла в том, чтобы управлять отношениями между религиозными объединениями и государством, а также руководить религиозной жизнью на местах, используя правовые и административные меры. Задача органов государственной безопасности – в том, чтобы правовыми и неправовыми средствами нейтрализовать «угрозы», исходящие от религиозных организаций и отдельных верующих с репутацией «антисоветчиков».

Несмотря на свою сложность, созданная система далеко не во всем была эффективной и не всегда могла не только контролировать религиозные процессы в советском обществе, но даже и формировать реальную картину происходящего.

Происходившие на протяжении всего периода 1940-х – 1980-х гг. корректировки политического курса и законодательной базы способствовали противоречивости в представлениях коллективной бюрократии. Генеральный идеологический вектор 1930-х

гг. в послевоенное время был опровергнут новой реальностью, в которой церковь стала частью общественной жизни, а ее символический ресурс, накопленный в годы войны, стал превращаться в материальный и внешнеполитический, что отразилось как на нормативно-правовом, так и на правоприменительном уровне. Все это шло вразрез с интересами партийных и советских работников на местах, так как перед ними по-прежнему стояла задача покончить с «религиозным мракобесием». В дальнейшем неоднократно происходила корректировка законодательства и правоприменения в сфере государственно-религиозных отношений.

Ситуация многозначности и неопределенности в сфере идеологии усугублялась противоречиями внутри нормативно-правовой базы, а также неясностью отдельных правоприменительных процедур, функционала Совета (в особенности в первые годы его работы), что отражалось на деятельности как партийных и советских работников на местах, так и самих уполномоченных, которые не всегда точно понимали свои задачи в конкретный момент.

Все это создавало питательную почву для противоречивых и произвольных трактовок законодательства о культах, широкой вариативности правоприменения. С другой стороны, это помогало советской бюрократии избегать ответственности, а также обеспечивало широкие возможности для административного давления и использования квазиправовых методов и подходов.

В третьем параграфе ***«Церковное (каноническое) право и формальные церковные установления как основа нормативной модели отношений Русской православной церкви с государством и обществом»*** рассматриваются присущие институту Русской православной церкви формальные ограничения («формальные правила»), укорененные в церковной традиции и церковном (каноническом) праве и оказывавшие непосредственное влияние на правосознание духовенства и обычных верующих в 1940-х – 1980-х гг. Формальные правила, в русле которых существовала РПЦ, были обусловлены как особенностями православного христианского вероучения, так и историческими причинами. Некоторые из этих представлений советских верующих о себе и церкви оставалась неизменными на протяжении всего времени, другие подвергались корректировке или даже пересмотру в зависимости от политических и иных обстоятельств.

В церковном правопорядке выделяется жесткое доктринальное «ядро» (догматы, литургика), которое для церковного сознания непреложно и неподвластно внешним изменениям, и адаптивная «периферия» – институциональные, дисциплинарные и имущественные нормы, исторически восприимчивые к государственному воздействию. Именно на этой периферии строилось формальное взаимодействие: государство стремилось вписать церковь в свою управленческую систему, а церковь, сохраняя догматику, приспосабливала организационные правила к новым условиям.

Советское государство, не посягая на догматическую часть церковного учения, установило тотальный контроль над организационной периферией. Формальное управление церковью (созыв соборов, кадровые решения, дисциплинарная практика) фактически осуществлялось через Совет по делам РПЦ (религий), а ключевые решения лишь утверждались церковными органами. В имущественной сфере государственное законодательство не признавало за церковью права собственности на культовое имущество, закрепляя его за собой и предоставляя лишь право пользования, чему церковь вынужденно подчинялась.

Литургический строй и внутренняя дисциплина, не затрагивающая политические интересы, оставались вне прямого формального вмешательства. В этих областях канонические нормы применялись с меньшей внешней регламентацией. Кроме того, в среде верующих сохранялось пространство для интерпретации советских правовых норм, где внутренние церковные представления о должном сочетались с языком государственного права, формируя специфическое правосознание, опиравшееся на оба нормативных горизонта.

Четвертый параграф ***«Организационное устройство и система управления Русской православной церкви как институциональные условия государственно-церковного взаимодействия»*** посвящен анализу внутреннего институционального устройства и системы управления Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг., которая складывалась в результате взаимодействия различных уровней и групп акторов (патриарх и Священный синод, епархиальные архиереи, приходское духовенство и миряне). Исследовано, в какой степени государство повлияло на организационную структуру РПЦ и как различные церковные «игроки», обладая собственными интересами и корпоративными целями, действовали внутри заданных правового пространства с учетом их когнитивных рамок.

С институциональной точки зрения высшая иерархия Русской православной церкви в 1940-х – 1980-х гг. представляла собой достаточно узкий слой внутри сложной церковной структуры, в котором были сосредоточены ключевые ресурсы – от символического авторитета и каналов общения с государственными инстанциями до контроля над кадровой и внешнеполитической линией церкви. Именно этот уровень оказывался объектом наиболее жесткого партийно-государственного контроля. В историко-правовой перспективе его развитие было поэтапным развитием курса, заданного Декларацией митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. и закрепленного в Положении об управлении РПЦ 1945 г.

В первые послевоенные годы Московская патриархия прежде всего использовала предоставленные режимом возможности для восстановления церковной сети и минимального уровня самостоятельности. С конца 1950-х гг. на фоне нового витка антирелигиозной политики на первый план выдвигается выполнение внешнеполитических задач Советского государства и демонстративная лояльность во всех публичных формах проявления церковной активности. В результате к 1970-м гг. высшая церковная иерархия в значительной мере была институционально приспособлена к запросам партийно-государственного аппарата: персональный состав и повестка заседаний Священного синода утверждались Советом по делам религий, а установка на «лояльное законопослушание» фактически превратилась из богословского лозунга в устойчивую характеристику правового статуса РПЦ в восприятии советской власти.

Епархиальный уровень в 1940-х – 1980-х гг. можно охарактеризовать как пространство напряженного баланса между формальной полнотой власти архиерея и его фактической зависимостью от государственных органов и высшего церковного руководства. Епископ выступал локальным актором, стремившимся сохранить территориальную целостность и жизнеспособность епархии, минимизировать конфликты с уполномоченным и местной властью и одновременно удержать доверие патриархии и собственного духовенства. В пределах сложившейся когнитивной рамки такие стратегии часто интерпретировались самими архиереями как форма ответственного пастырского компромисса: уступка в имущественных, кадровых и административных вопросах ради предотвращения закрытия приходов и преследования духовенства. В совокупности это делало епархиальный уровень ключевой зоной, где

пересекались государственные механизмы контроля, внутрицерковная иерархия и повседневное правосознание верующих.

На протяжении всего рассматриваемого периода (как и до революции) Русская православная церковь не сформировала эффективной системы церковного суда и единой интерпретации и практики применения древних канонов в рамках судебного процесса. То или иное истолкование канонического права зависело от множества обстоятельств, его нормы часто не давали ответа на ряд вопросов, связанных с организацией внутрицерковной жизни в реальных исторических условиях. Поэтому на практике вопросы, не урегулированные государственным правом, могли решаться епископатом по своему усмотрению.

РПЦ в качестве политического актора и субъекта государственно-религиозных отношений решала одновременно две задачи: с одной стороны, подтверждала лояльность государственной власти, с другой стороны, пыталась через адаптацию к советской правовой системе расширить границы дозволенного в условиях новой правовой и социальной реальности. Это не могло не отразиться на особенностях правосознания церкви, соединившей религиозную идентичность с послушанием государственной власти.

Дефицит информации о правовом статусе церкви и призванный его отчасти нивелировать патриотический дискурс, а также осознание необходимости защиты своих интересов и прав, создавали в рамках сложной системы государственно-религиозного взаимодействия новые неформальные институты («правила игры»), которые, помимо прочих обстоятельств, в итоге способствовали фактической подмене формальных правил неформальными договоренностями и специфическими практиками.

Одним из важнейших долгосрочных последствий этих процессов стало формирование у церковной иерархии устойчивого навыка инструментализации правового дискурса. В советский период РПЦ осознала эффективность коммуникации с государственным аппаратом на языке светского права. При этом церковными акторами была выработана специфическая дискурсивная стратегия – апелляция к конституционным нормам-декларациям (о свободе совести, равноправии, отделении церкви от государства). И партийно-государственная номенклатура, и сама высшая церковная иерархия прекрасно осознавали пропагандистский характер этих конструкций. Тем не менее РПЦ настойчиво требовала их соблюдения, используя

«идеальные» правовые нормы в качестве единственно доступного легального инструмента защиты своих прав.

Третья глава **«Правоприменительная практика в сфере государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х –1980-х гг.»** включает в себя четыре параграфа и посвящена изучению конкретных практик, отражающих механизм правоприменения. Материалы главы позволяют перейти от описания нормативной рамки и коллективных представлений советской и церковной бюрократии к пониманию, как советское законодательство о культах фактически работало.

Первый параграф ***«Количественные и структурные параметры деятельности Русской православной церкви как индикаторы реализации правового режима государственно-религиозных отношений»*** фиксирует количественные изменения параметров развития церковной инфраструктуры (приходы, храмы, численность священнослужителей, монастырей, духовных учебных заведений), описывает общие тенденции ее развития.

Совокупные количественные показатели однозначно свидетельствуют о преобладании запретительной правоприменительной практики и, как следствие, о заметной редукции церковной инфраструктуры и кадрового потенциала, что существенно ослабляло позиции Русской православной церкви как самостоятельного участника государственно-религиозных правоотношений. Разнообразная, относительно не унифицированная в процедурном отношении, правоприменительная практика могла как поддерживать церковную инфраструктуру и кадры, способствовать их количественному росту, так и максимально осложнять возможности их развития.

Показатели находились в прямой зависимости от колебаний политического «клапана» (по выражению К.Е. Ворошилова): от ограниченной, но вполне ощутимой поддержки в 1940-х гг. до рестрикций конца 1950-х – начала 1960-х гг. и относительной стабилизации в 1970-х – начале 1980-х гг. Эта логика «клапана» подразумевала, с одной стороны, обязательную демонстрацию успехов советских ведомств в борьбе с идеологическим конкурентом. С другой стороны, она давала возможность проводить политику исключений для конкретных регионов, иерархов, церквей, приходов. Тотальная деградация инфраструктуры в изучаемый период была вряд ли возможна, так как государственные институты перешли от практики уничтожения к практике

кооптации религиозных институтов и элит, чтобы обеспечить контроль и управляемость.

В итоге подтверждается инструментальный характер советского права, выступавшего в данный период производной от сугубо прагматических, политических, и – в меньшей степени – идеологических установок в сфере государственно-религиозных отношений.

Второй параграф ***«Взаимоотношения государственных и церковных институтов в вопросах регистрации религиозных общин, распоряжения культовым имуществом и формирования кадрового состава Русской православной церкви»*** посвящен изучению практик правоприменения в наиболее проблемных сферах с тем, чтобы понимать, как правовые нормы принимались, отторгались, оспаривались обеими сторонами, исходя из собственных интересов, представлений и аппаратной логики. Рассмотрены конфликтные кейсы вокруг регистрации общин и религиозной жизни приходов, проблемные поля в кадровых вопросах (назначение/снятие епископов и рядовых священников), выстраивания системы религиозного образования, изучена правоприменительная практика в области передачи имущества, развития церковной инфраструктуры.

На основе изученного материала можно заключить, что стратегия и тактика государственных институтов в отношении институтов и организаций РПЦ в изучаемый период не представляются едиными и выверенными.

Смешение идеологических установок (религия и церковь как корпорация остаются безусловным злом, но используются государством в своих интересах на фоне конституционно провозглашаемой свободы совести), а также обтекаемость законов создавали широкий простор для произвольного толкования законодательства и всевозможных манипуляций. Поэтому мы фиксируем большое разнообразие стратегий управления, локальных практик реализации советского законодательства о культах со стороны уполномоченных, сотрудников спецслужб, партийных и советских деятелей.

Очевидно, что государство часто использовало бюрократию как оружие, а правовой механизм часто, но не всегда функционировал как прикрытие. Государственные органы использовали инструменты административного давления, затягивания, перераспределения компетенций и ссылок на процедурные ограничения, что позволяло ограничивать возможности религиозных институтов и сохранять

контроль без прямого отказа. Иными словами, государство использовало советский закон как инструмент давления и контроля, а верующие, апеллируя к Конституции и первому лицу, – как защитный механизм.

Систематический произвол местных властей (самовольное изъятие зданий, запугивание, игнорирование судов) создавал пропасть между декларируемым правом и реальностью. Парадокс заключался в том, что центральные органы (Совет по делам РПЦ) иногда вынуждены были осаживать местные власти ради сохранения видимости законности, но это не меняло общей стратегии борьбы с церковью как идеологическим конкурентом и враждебным институтом. При этом нередко союзный Совет действовал реактивно, не управляя процессом, а решая проблемы, возникшие в результате действий местных органов власти.

Серьезными правовыми барьерами и фильтрами был обставлен вопрос о регистрации священнослужителей. Логично, что в условиях фактического тотального контроля за церковью как институтом (при законодательной декларации отстраненности государства от церковных дел) положение во властной иерархии РПЦ определяло степень воздействия внешних игроков на этот внутрицерковный вопрос. Чем выше, тем сильнее сказывалось влияние акторов, находившихся по ту сторону церковной ограды.

Государство в лице Совета, гражданской администрации и органов госбезопасности многообразными способами вмешивалось в отношения между епископатом, духовенством и мирянами. Эти действия ослабляли внутренние связи внутри церковной системы, постепенно деформировали институциональную иерархию.

Содержание правоприменения в каждом конкретном регионе определялось не столько формальными предписаниями, сколько соотношением позиций местных исполкомов, уполномоченных Совета, партийного руководства и органов госбезопасности. Более высокий и устойчивый интерес верующих к религии, их готовность и настойчивость в определенный период в конкретном регионе отстаивать свою позицию также имели существенное значение.

Кроме того, маневрирование государственных институтов было связано с комплексом иных объективных обстоятельств. Свою роль играли региональный фактор, географическое положение, история вхождения. Немаловажно и то, что в отдельных вопросах (прежде всего кадровых) интересы государственных исполнителей и церковных иерархов причудливым образом могли переплетаться, создавая своеобразное

пространство со-зависимости в процессе наложения этих полуавтономных социальных полей (Дж. Гриффитс).

Указанный комплекс причин побуждал чиновников на местах смягчать, ограничивать административный прессинг, лавировать между интересами разных игроков и активнее прибегать к квазиправовым правилам и практикам урегулирования той или иной спорной ситуации.

В совокупности все это формировало пространство неформальных переговоров, в котором юридическая норма выступала лишь одним из элементов более сложной системы правового регулирования государственно-религиозных отношений, системы, направленной не на реализацию свободы совести, а на сохранение многообразия инструментов администрирования и контроля за религиозными институтами и акторами. Важным следствием этих процессов для правосознания церкви и верующих стали представление о непредосудительности постоянной апелляции к авторитету центральной власти и опора на государственный бюрократический аппарат в решении внутрицерковных вопросов.

Третий параграф ***«Неформальные практики взаимодействия Советского государства и Русской православной церкви в сфере государственно-религиозных отношений»*** отражает наличие в правоприменительной практике квазиправовых инструментов, неформальных практик, которые, помимо прочих обстоятельств, способствовали фактической подмене формальных правил неформальными договоренностями.

В работе зафиксирован и описан ряд неформальных правил и практик разного характера, применявшихся обоими институтами. Первая группа – применяемые государством, которое имело значительный набор ресурсов и находилось в доминирующей позиции: дискредитация заявителей и давление на религиозных активистов, цензура, компромат, кураторство, телефонное право, система номенклатурных привилегий и пр. Вторая группа – неформальные правила и подходы, которые использовала для обхода формальных и неформальных ограничений церковь: кадровые маневры, личные доверительные отношения, взятки, стратегия «самодеятельности» в вопросах передачи церковного имущества и пр.

В итоге со временем церковь становилась одним из многих советских институтов с набором заимствованных у общества и государства неписаных правил игры, а ее

высшее звено невидимыми, неформальными «нитями» личных связей, номенклатурных привилегий и других неписаных норм и практик плотнее связывалось с элементами советской бюрократической машины. Она, в свою очередь, стремилась к установлению тотального контроля, обеспечению управляемости и полной лояльности с опорой на неписаные правила. Однако будет ошибкой сказать, что это тесное переплетение давало явное преимущество только одному из игроков: создавались благоприятные условия для идеологического маневра, использования церковью неформальных норм и правил для решения задач в частных интересах и интересах института.

Четвертый параграф ***«Институциональная модель правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940-х – 1980-х гг.»*** описывает конфигурацию правового механизма государственно-религиозных отношений, представляя его в логике взаимодействия конкурирующих правовых порядков – государственного и церковного.

В указанный период в сфере государственно-церковных взаимодействий фактически сосуществовали два правопорядка – государственный и церковный – при безусловном доминировании первого. Складывавшаяся модель правового регулирования, производная от общей советской правовой модели, характеризовалась рамочностью законодательства о культах, избыточной секретностью нормотворчества, доминированием прерогативного права, а также наличием неправовых установлений и неформальных практик, оказывавших существенное влияние на правоприменение. В этих условиях разрыв между конституционно декларируемой свободой совести и реальной административной практикой порождал многочисленные конфликты, разрешение которых достигалось через включение неформальных механизмов согласования интересов, что в итоге формировало «серую зону» правоотношений – пространство переплетения государственных и религиозных институтов.

Институциональные особенности развития Русской православной церкви характеризовались следующими чертами: сохраняя в неизменном виде догматическое ядро и литургическую традицию, церковь вынуждена была адаптировать организационную «периферию» к новым социально-политическим условиям. Государство, не посягая на вероучительные основы, установило тотальный контроль над управленческими, кадровыми и имущественными аспектами церковной жизни, осуществляемый через Совет по делам РПЦ (религий) и другие партийно-

государственные структуры. В этих условиях церковь выработала стратегию выживания, заключавшуюся в минимизации конфликтов с властью, компромиссах в административных вопросах и одновременном использовании как правовых, так и квазиправовых механизмов для поддержания собственной институциональной инфраструктуры.

Двойственность государственных идеологических, политических, прагматических целей – последовательное ограничение церковной жизни при одновременном сохранении «витринного» религиозного сектора для внешнеполитической демонстрации советских конституционных свобод – порождала противоречивую и нелинейную правоприменительную практику. Стратегии управления на местах определялись не столько формальными предписаниями, сколько соотношением позиций местных исполкомов, уполномоченных Совета, партийного руководства и органов госбезопасности с учетом региональных особенностей.

Следствием этого процесса стало формирование специфического правосознания духовенства и верующих, опиравшегося на представление о неразрывной связи религиозной идентичности с лояльностью государству. Сложившаяся в советскую эпоху парадигма государственно-религиозных взаимодействий, включая неформальные правила и практики, в значительной степени перешла в постсоветскую модель, что подтверждает тезис об институциональной преемственности и устойчивости выработанных механизмов регулирования.

В **заключении** подводятся итоги исследования, доказывается эвристический потенциал и ограничения предлагаемого методологического подхода, предлагаются перспективные направления развития темы.

**Основные научные результаты диссертационного исследования отражены в следующих опубликованных работах:**

*Публикации в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных и включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий:*

1. *Зудов, Ю.В.* Доктринальные подходы к понятию и содержанию государственно-религиозных отношений в российской и зарубежной юридической литературе / Ю.В. Зудов // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 217–222.

2. *Зудов, Ю.В.* Модели правового регулирования государственно-религиозных отношений в России в исторической ретроспективе / Ю.В. Зудов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20, № 3. – С. 14–19.

3. *Зудов, Ю.В.* Советское законодательство о религии и церкви в 1940–1980-е годы / Ю.В. Зудов // Современный юрист. – 2024. – № 2 (47), апрель-июнь. – С. 8–21.

4. Зудов, Ю.В. Роль Русской православной церкви в формировании политических нарративов в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Зудов // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 12 (124). – С. 187–195.

5. *Зудов, Ю.В.* Религиозное образование в СССР в историко-правовой перспективе / Ю.В. Зудов // Современный юрист. – 2025. – № 1 (50), январь-март. – С. 8–17.

6. *Зудов, Ю.В.* Правовое регулирование государственно-религиозных отношений в России : историографический обзор / Ю.В. Зудов // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 48–52.

7. *Зудов, Ю.В., Гусева, Ю.Н.* Неформальное регулирование отношений власти и религии в СССР : методология изучения / Ю.В. Зудов, Ю.Н. Гусева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 19–27.

8. *Зудов, Ю.В.* «Журнал Московской патриархии» как источник для изучения формальных и неформальных правил и практик в регулировании государственно-

церковных отношений в СССР (1943–1956) / Ю.В. Зудов // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 158. – С. 192–201.

9. *Зудов, Ю.В.* «Верный курс на любовь к Родине» : публикации «Журнала Московской патриархии» как отражение неформальных правил и практик советского регулирования государственно-религиозных отношений (1943–1956 гг.) / Ю.В. Зудов // История государства и права. – 2025. – № 9. – С. 43–50.

10. *Зудов, Ю.В.* Кадровая политика Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. в современных исследованиях правового регулирования государственно-религиозных отношений / Ю.В. Зудов // Журнал правовых и экономических исследований. – 2025. – № 4. – С. 69–81.

11. *Зудов, Ю.В.* Подготовка священнослужителей Русской православной церкви в 1940–1980-х гг. в современных исследованиях правового регулирования государственно-религиозных отношений / Ю.В. Зудов // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 6. – С. 22–36.

12. *Зудов, Ю.В.* Патриотическая риторика как средство адаптации Русской православной церкви к новой политике в сфере правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1970-е гг.) / Ю.В. Зудов // Вестник МГПУ «Юридические науки». – 2025. – № 4 (60). – С. 29–43.

13. *Зудов, Ю.В.* Советское патриотическое воспитание в духовных школах Русской православной церкви в контексте правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1950-е гг.) / Ю.В. Зудов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 95–106.

14. *Зудов, Ю.В.* Воспоминания священнослужителей и мирян Русской православной церкви в контексте историко-правового исследования государственно-религиозных отношений в СССР в 1940–1980-е гг. / Ю.В. Зудов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21, № 5. – С. 14–21.

15. *Петюкова, О.Н., Зудов, Ю.В.* Правовое обеспечение образовательной деятельности Русской православной церкви: историко-правовой дискурс / О.Н. Петюкова, Ю.В. Зудов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21, № 6. – С. 262–268.

16. *Зудов, Ю.В.* Роль неформальных государственно-церковных коммуникаций в выстраивании советской религиозной политики и их влияние на правоприменение (1940–1950-е годы) / Ю.В. Зудов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 1. – С. 40–45.

17. *Зудов, Ю.В., Гусева, О.Н.* Историко-правовой неоинституционализм как инструмент изучения государственно-религиозных отношений (на материалах отечественной истории) / Ю.В. Зудов, Ю.Н. Гусева // Правоведение. – 2025. – Т. 69, № 4. – С. 604–628. – EDN MVUYPQ.

18. *Зудов, Ю.В.* Акты ЦК КПСС как элемент механизма правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви (1940–1980-е гг.) / Ю.В. Зудов // Пробелы в российском законодательстве. – 2026. – Т. 19, № 4. – С. 25–31.

19. *Зудов, Ю.В.* Представления советской партийно-государственной бюрократии о религии и их влияние на правоприменительную практику в сфере государственно-религиозных отношений (1940–1980-е гг.) / Ю.В. Зудов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2026. – Т. 22, № 4. – С. 12–18.

20. *Зудов, Ю.В*. Особенности режима правового регулирования отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1940–1980-е гг. / Ю.В. Зудов // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 8. – С. 29–39.